

Борис Альтшулер — россиянин, большой друг Израиля, известен многогранной научной и общественной деятельностью, а также своей родословной. Достаточно сказать, что его отец, Лев Владимирович Альтшулер, был одним из создателей советской атомной бомбы

Лена **БИРГАУЗ**

Нееврей по Галахе

Л. Б. Борис, расскажите, пожалуйста, о своем детстве... И вообще, как прошло становление вашей личности?

Б. А. Я родился 16 августа 1939 года. Нобелевский лауреат, академик Гинзбург рассказывал, что помнит меня с пеленок, но я-то тех наших первых встреч, естественно, не помню. Просто дело в том, что мой отец Лев Альтшулер с 1932 года дружил с ним всю жизнь.

Мама — Мария Сперанская. Поженились они в 1938 году. Папа часто с великим удовольствием рассказывал, как отец Маруси, Парфений Львович Сперанский, однажды спросил ее подругу Зою: «Что-то Лева к нам зачастил?» А она в ответ: «Как! Разве вы не знаете? Да они уж месяц как расписались!»

И еще о родословной, интересные подробности которой выяснились совсем недавно. По линии матери Сперанские — монастырские крестьяне Тверской губернии. В 1912 году красавец-гусар Парфений обаял княжну Елену Высоцкую. Поженились они в год смерти ее отца, полковника царской армии князя Сергея Высоцкого, что, видимо, было не случайно, так как он никогда бы не разрешил такой мезальянс. А вот бабушка Елены Сергеевны — урожденная графиня Елизавета Каменская, и этот род прослеживается вплоть до XII века, до тиуна Киева боярина Ратши. Тут много любопытного, хотя гордиться было бы смешно. Достаточно почитать, что пишет Николай Лесков в повести «Тупейный художник» о беспредельной жестокости графов Каменских по отношению к своим крепостным крестьянам.

По линии отца основные исследования провела ма-

Борис Альтшулер

ма вместе с ее сестрой Татьяной Парфеньевной еще в начале 1970-х годов. Они нашли в энциклопедиях, что в 1305 году некий еврей бежал, спасаясь от погромов в Провансе, в Богемию, где основал в Праге старейшую в Европе синагогу Альте Шуле (старая школа — нем.). Эти исторические корни фамилии, полагаю, общеизвестны. Затем одна ветвь семьи перебралась на Кавказ. Прадед отца держал в Тбилиси извозную контору, дед стал владельцем крупнейшей на Северном Кавказе аптеки в городе Майкопе. В 1998 году наш с Ларисой (Миллер) старший сын Илья посетил Майкоп, нашел этот дом и, главное, встретился с людьми, которые еще помнили «старого Альтшулера», и даже сделал магнитозаписи интервью с ними.

Отец скончался в 2003 году в возрасте 90 лет, а в 2007-м я начал писать нашу родословную книгу — и по настоянию многих знавших

отца людей, и движимый собственным чувством, что нельзя позволить уйти в небытие уникальной эпохе и уникальным людям.

Так вернемся к моему детству. Школьные годы (1947-1956) я провел в секретном ядерном центре «Арзамас-16» (город Саров), где отец вместе с Сахаровым, Харитоновым (кстати, мать Юлия Борисовича перед войной переселилась из Германии в Израиль, похоронена в Тель-Авиве), Зельдовичем, Забабахиным, Цукерманом (ближайший друг отца, как и Гинзбург), Франк-Каменецким и другими делал советское ядерное оружие.

Л. Б. А что касается высшего образования?

Б. А. Учился на физфаке МГУ в 1956-1962 годах, там же приобрел своих ближайших на всю жизнь друзей — Диму (Дана) Рогинского, Павла Василевского, Боря (Баруха) Айнбиндера, Леву Левитина.

Л. Б. Так что физика как профессия как бы естественно вытекала уже из самой мощной семейной традиции?

Б. А. Конечно, интерес к загадкам квантовой механики и теории относительности у меня наследственный — от отца.

Л. Б. А как начиналась ваша общественная деятельность?

Б. А. Отец, как и почти все люди его поколения, свято верил в идеалы социализма, но при этом страшно возмущался «извращениями» идеи. И в отличие от многих (по сути, всех) открыто высказывал свое возмущение в любой ситуации и в любую эпоху. Его и семью спасла бомба — был очень нужен. И я, опять же под влиянием отца, впитал интерес к этим вещам с детства. В 1968 году мы с другом Павлом Василевским написали большую статью «Время не ждет» — очень резкую в отношении советских порядков (выдвинули идею «нового эксплу-

аторского класса»; Джилас в своей знаменитой книге ссылается на эту работу) и с конструктивными предложениями о реформах, сейчас очевидно, что во многом наивными. Запустили в самиздат, подписав псевдонимами — у каждого ведь семья. В 1971 году мы с Павлом написали еще одну работу — о советском военно-промышленном комплексе — «Явление — небывалое в мировой истории», тоже подписались вымышленными именами. В декабре 1971 года я принес эту статью Сахарову, он тогда уже переехал к Елене Георгиевне Боннэр. Прочитав, он сказал кратко: «Я рад за тебя». Уж он-то знал изнутри о свойствах и масштабах этого монстра — советского ВПК.

В 1971-1973 годах мы, как могли, помогали своим ближайшим друзьям Диме Рогинскому и Боре Айнбиндеру. Они подали заявления на выезд в Израиль и были в отказе со всеми сопровождающими приключениями. Летом 1972 года Дима вместе с ныне покойным Леней Иоффе, известным поэтом, и Борисом Орловым целый месяц прятались на нашей квартире от КГБ и милиции. Мы с Ларисой и старшим сыном были на юге в отпуске, а в это время тучи над друзьями сгустились — Диму, Леню и Бориса старались замести в военные лагеря. Тогда Дима пришел к моей маме с просьбой дать ему ключ от нашей пустующей квартиры, чтобы спрятаться там. И моя русская мама, бесконечно далекая от всех этих выездных проблем, да еще со сверхсекретным мужем, мгновенно выдала ему ключи. Конечно, Диму она знала давно, но ведь и риск какой! Не знаю, кто бы еще так откликнулся на столь «угрожающую» просьбу. Но мои родители были совершенно особые люди, всегда готовые помочь.

Постепенно я стал делать открытые заявления. Стимулом, как правило, было желание помочь друзьям, но и были идеи, как это чудо совершить. Как там у Юлия Кима: «И спасти захочешь друга, да не выдумаешь как». Однако выдумывали и спасали.

Первое мое заявление — обращение к американским космонавтам, членам американо-российского экипажа корабля «Аполло-Союз» с просьбой ходатайствовать из космоса о разрешении Елене Боннэр на поездку в Италию для глазной операции, в том же обращении я просил также ходатайствовать и за двух еврейских отказников.

Потом в 1976 году я сочинил коллективное обращение к президенту Франции Валери Жискар д'Эстену в защиту Петра Старчика, помещенного в психушку «за исполнение песен в собственном доме».

После ареста в конце 1970-х годов Толи Щаранского, а потом Юрия Орлова и Алика Гинзбурга, основателей Московской хельсинкской группы, я сделал ряд заявлений в их защиту, среди которых — «Еврокоммунизм и права человека», с очевидной идеей попробовать привлечь к защите узников совести идеологических союзников советских верхов — европейских коммунистов. Конечно, не мне одному пришла в голову эта здравая и доказавшая свою эффективность идея.

Через несколько дней после высылки Сахарова в Горький в январе 1980 года я сочинил «Обращение в ООН», в котором говорилось, какой это великий ученый, объяснивший барионную асимметрию Вселенной (что чистая правда, так как речь идет о работе Сахарова 1967 года, огромное значение которой было оценено мировым физическим сообществом лишь осенью 1979 года, как раз за несколько месяцев до его ссылки). Кроме меня, физика, это обращение подписали замечательные люди, к физике, правда, отношения не имевшие (Лев Копелев, Григорий Померанц, Георгий Владимов, Софья Каллистратова, Мария Петренко-Подъяпольская). Помню, что это заявление тогда несколько дней подряд ясно, без какого-либо глушения передавал «Голос Америки», естественно, называя имена всех подписантов. Были и другие заявления.

Имя мое часто звучало по «вражеским» голосам, но до 1982 года все сходило с рук,

Мария Сперанская (1916-1977)

неизвестно почему. А в марте 1982 года сначала вызвали на Лубянку Ларису («Ваш муж десять лет не увидит своих детей...»), потом меня. Это было серьезно. Спасла гигантская кампания в защиту, организованная теми же названными выше давними друзьями, жившими к тому времени уже в Израиле и США. Был и обыск в ноябре 1983 года. Пять лет я проработал дворником, что, конечно, лучше ареста: остался с семьей, время для занятий физикой — почти весь день, неплохие деньги и физическая зарядка на свежем воздухе. А когда Горбачев вернул Сахарова из ссылки, то Андрей Дмитриевич настоял, чтобы меня взяли в теоретический отдел ФИАНа, где я и работаю по сию пору начиная с 1 июля 1987 года. А хвалебную характеристику для поступления на работу в Академию наук мне написал родной ДЭЗ.

Кстати, относительно недавно обнаружилось одно весьма любопытное обстоятельство, связанное с этой историей. Оказывается, тогда, после «наезда» 1982 года, КГБ распространил в писательских кругах дезу, будто Лариса Миллер переехала в Израиль. Мы, понимаем ли, как жили, так и живем в Москве, в Теплом Стане, а все уверены, что мы уехали. Конечно, «все» — это то большинство, которое опасалось с нами общаться в то время.

Л. Б. А что представляют собой ваша научная и общественная деятельность на се-

годняшний день? Я знаю, что в Москве эта деятельность высоко оценена: в 2009 году на ханукальном хабарском торжестве в Кремлевском дворце съездов вы были объявлены Человеком года.

Б. А. Что касается научной деятельности, то тут уместно употребить слово «одержимость» — повторяю его вслед за Ларисой, которая так ответила в недавнем интервью на просьбу журналиста охарактеризовать одним словом отношение Сахарова к физике. Да все мы, физики-теоретики, одержимые. Наверное, только благодаря этому что-то все-таки удастся делать при абсолютно нечеловеческой нагрузке правозащитными делами. Вот в августе этого года у меня вышла статья в *Physical Review* — в развитие темы моей диссертации 1969 года по общей теории относительности.

Об общественной деятельности. В 1992 году мы с друзьями создали организацию «Движение без границ», которая помогала сотням еще остававшихся отказников, а в 1996-м — НПО (неправительственную организацию) «Право ребенка». И очень быстро я убедился, что для спасения ребеночка в современной России нужно применять те же методы, которыми нам удавалось спасать людей от преследований КГБ в советское время. Потому что, как и раньше, полностью отсутствуют правовые механизмы воздействия: все — «свои» (чиновники, отвечающие за детей,

Лев Альтшулер в армии. 1942 год

прокуроры, суд, милиция — все «моются в одной бане»). А методика эта простая: по каждому, казалось бы, частному вопросу обращаться на высший уровень, «в космос», в новой России добавились еще российские СМИ.

Вот так организация и приобрела высокий авторитет, настолько, что президент Дмитрий Медведев включил меня своими указами 2009 и 2011 годов в члены Общественной палаты РФ двух созывов. Так я стал «начальником-волонтером» (денег членам ОПРФ не платят, и это правильно, хотя отчаянных жалоб идет лавина). Вот после первого указа Медведева сентября 2009 года ФЕОР и присудила мне «Человека года — 5769 (2009)». Награду я получал в Большом кремлевском дворце вместе с Натаном Щаранским, прилетевшим из Израиля. А речь свою я начал с древнееврейской мудрости, высказав ее на иврите (спасибо Дану Рогинскому, который помог мне с этим делом): «Ха-Меамед нефеш ахат — меамед олам мале. Ха-Мациль нефеш ахат — мациль олам мале» — «Убивающий одного — убивает весь мир. Спасаящий одного — спасает весь мир». На этом принципе бесценности жизни отдельного человека основано все правозащитное движение.

Л. Б. Борис, расскажите, пожалуйста, нашим читателям о вашем сайте. Не скрою, что была приятно удивлена, найдя там свои статьи («Точки над i» и «Облачный столп»).

Насколько я знаю, это единственный в РФ действительно сионистский сайт.

Б. А. Сайт «Хаверим» (<http://www.haverim.ru>) — новое направление деятельности группы «Движение без границ» совместно с еврейской общиной города Боровичи, возглавляемой Эдвардом Алексеевым. Тут я хочу позволить себе маленькое отступление.

Я знаю, Елена, что вы являетесь зампредом Ассоциации дружбы Израиль — Россия (АДИР). Так вот главная идея, посыл, давшие название нашему сайту, те же, что и у вашей АДИР: поддерживать теплые, дружеские отношения прежде всего между гражданами России и Израиля. И важнейшим основанием для этого является, на мой взгляд, то коренное обстоятельство, что государственные отношения Израиля и Российской Федерации совсем иные, гораздо лучше, чем в свое время были отношения Израиля и СССР. А все эти военно-промышленные завязки России на Ирак (к великому счастью, прекратившиеся в 2003 году после свержения американцами режима Саддама Хусейна), на Сирию (как можно надеяться, прекращающиеся сейчас) — это все печальное наследие советской эпохи, от которого пока, к сожалению, не удастся избавиться. А «приключения» этого года с законом о неправительственных организациях — иностранных агентах или принятым в ноябре законом, безгранично расширяющим понятие «государственная измена», — это уж такой откат, такое ретро! Такие «сладкие воспоминания» о детстве и юности!

Да, наш сайт «Хаверим» имеет явно сионистскую направленность, что никак, по моему убеждению, не противоречит указанному посылу дружеских отношений Израиля и России. Поддерживают нас уже много лет норвежские друзья, безгранично преданные Израилу, — организация «Help Jews Home» («Поможем евреям вернуться домой»). Как видите, далеко не все в Норвегии согласны с ее агрессивно антиизраильским правительством и антиизраильскими СМИ.

Л. Б. Борис, нас с вами познакомил Дан Рогинский. Я с Даном знакома по семинару Иосифа Бегуна. А как вы подружились с Даном?

Б. А. Мы дружим с первого курса физфака МГУ, куда поступили в 1956 году. Добавлю, что Дан совершил алию в сентябре 1973 года, но это никак не отразилось на наших постоянных дружеских контактах и тогда, и до сих пор, в течение 56 лет.

Л. Б. Помимо всего прочего я задала вопрос о Рогинском еще и потому, что в одном из эмэйлов на мое имя Дан Рогинский прекрасно написал о вас: «У меня есть близкий друг (стаж дружбы 56 лет), «нееврей по Галахе», выбравший в 16 лет запись в паспорте «еврей» и продолжающий и быть евреем (и немало делающий в поддержку Израиля и народа Израиля, живя в Москве), и быть борцом за «город-сад» в стране своего рождения (и в советские времена вместе с Сахаровым, за что платил дорого, и теперь). Мой друг — истинно, в высшей степени достойный человек. Его имя Борис Альтшулер». Думаю, такая характеристика в устах весьма сдержанного физикатеоретика Дана Рогинского дорогого стоит.

Б. А. Я очень благодарен Дану за эти высокие слова в мой адрес.

Л. Б. В этой связи возникает у меня еще один вопрос, вернее загадка. Есть у меня некоторые основания полагать, что наше с вами знакомство «по наводке» Дана — явление вторичное. Тут вступают в свои права некие отголоски не то мистики, не то детектива, не то дежа вю. Помните ли вы, Борис, из своей биографии (лет 20 тому назад) факт посещения семьи матери-одиночки с двумя детьми в Москве в районе Сокольники? Вы пришли в сопровождении молодой дамы, еврейки из Германии, если не ошибаюсь, из какого-то благотворительного фонда. Мы с ней, по-моему, беседовали по-немецки (у меня он свободный). Вы назвали свою фамилию — Альтшулер (это я помню абсолютно точно) и представились как юрист по правам ребенка. Вы пробыли недолго: посмотрели нашу комнату, нашу коммуналку

Руфь Григорьевна Боннэр, Борис Львович Альтшулер, Лев Владимович Альтшулер, Андрей Дмитриевич Сахаров

и ушли. Потом, если не ошибаюсь, какую-то «гумпом» (вещами) из какого-то немецкого фонда какое-то время мы получали. Другого продолжения эта история тогда не имела — а сейчас? Борис, признайтесь, это были вы?

Б. А. Каюсь, этого эпизода не помню, но полагаю, что могло быть. Поскольку именно тогда мы — «Движение без границ» — много помогали евреям, жившим в России. В том числе помогали и поиском гумпомощи.

Л. Б. Борис, должна вам признаться, вы меня очень расстроили, прислав мне в октябре 2012 года эмэйл под названием «Прелесть, какая гадость». По приведенному вами линку попадаешь на сайт, где ведется заскоружлая клеветническая кампания против таких благотворительных организаций, как ваша НПО «Право ребенка», которые якобы стремятся отправлять детей за рубеж, конечно же, на органы. Досталось и гуманным ювенальным законам (законы по защите прав детей), поскольку они рассматривают права ребенка вне прав семьи и родителей. Запахло до боли знакомым советским стилем: ярлыки («детолюбивый агент»

Альтшулер); презрительное ерничанье («детушки, денежки, поправочки»). И все это при условии, что еще по прежним временам мы знаем, что в России для детей из неблагополучных семей, детей-сирот, а тем более больных чаще всего единственным успешным решением их проблем являются зарубежные усыновители. Борис, а как вы прокомментируете присланную вами информацию?

Б. А. Да, некие очень влиятельные круги сделали сегодня из меня главного врага российской семьи и российских детей, который пытается навязать России «западную ювенальную чуму». Это, очевидно, заказная кампания в духе 1930-х годов. Почему набросились именно на меня (раньше главным «ювенальным врагом» был мой друг Олег Зыков)? Потому что в качестве члена Общественной палаты РФ мне, разумеется, вместе со многими друзьями-общественниками, удастся продвигать на очень высокий уровень предложения, меняющие государственную политику в сфере детства, сиротства. Дело в том, что на той ситуации, которая сложилась сейчас,

то есть на массовом сиротстве (каждый день в России выявляется в среднем 250 новых сирот), наживаются очень многие чиновники. Именно они и заинтересованы кровно в том, чтобы заблокировать предлагаемые нами реформы. Вот Альтшулер и объявлен врагом, благо что еврейская фамилия удобна для возбуждения народного гнева, сбора множества подписей под петициями на имя президента и так далее. Ну и конечно, в этой «геббельсовской» пропаганде используется и новый (то есть «хорошо забытый старый» — сталинских времен) тренд — «иностранный агент».

Законопроект — в соответствии с которым НПО, получающие зарубежное финансирование, объявляются иностранными агентами и на этом основании лишаются прежде всего права законодательной инициативы, — выскочил как черт из табакерки в конце июня 2012 года. Некий неприметный депутат внес его в госдуму, которая тут же, как положено, направила его на отзыв правительству, а оно — и это совершенно необычно — одобрило его за один день!

Было много протестов, вот даже Общественная палата РФ резко выступила против. Но в августе закон скоропалительно был принят. Кому понадобилось сегодня надевать на Россию этот маскаранный балахон холодной войны, не знаю. Знаю, что Россия — страна чудес и абсолютной непредсказуемости. На практике никто, конечно, не собирается заявлять о себе как об иностранном агенте, а вот ущерб только зарождающемуся гражданскому обществу России закон уже нанес огромный, поскольку ведь тысячи НПО так или иначе получали помощь от зарубежных фондов, пусть и минимальную. А теперь власти на местах их как иностранных агентов лишают льготной аренды помещений, лишают любой поддержки. В общем, этим законом коррумпированная российская бюрократия хорошо себя защитила от досаждающих ей общественных организаций. Я недавно написал об этом заметку «Плоды творчества группировки гениев» («Новая газета», 14 декабря 2012 года).

Л. Б. Да, в сети я наткалась на бурное обсуждение, а чаще всего осуждение и закона об иностранном финансировании НПО, и примыкающих к нему законов — «сиротского» и о государственной измене. И мысленно невольно попыталась представить себе эти законы на израильском правовом поле. В этом случае гражданское общество в Израиле можно было бы смело закрыть, а на воротах повесить большой амбарный замок.

Борис, не хочется мне расставаться с вами на такой невеселой ноте.

Поэтому, невзирая ни на что, а может быть — тем более, давайте пожелаем друг другу здоровья, бодрости, сил и успехов во всех наших, как я выражаюсь, планах и намерениях, делах и начинаниях. Прощай Ханука, наступил, как говорят в Израиле, финансовый Новый год. Так произнесем же наш любимый тост: «Да здравствует все то, благодаря чему мы, несмотря ни на что!» И прощаемся с вами до следующих встреч — живьем и в СМИ, электронных или бумажных.